

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Е.В. Глинчикова

В ПРОЗРАЧНОСТИ «СВЕТЛОГО БОЖЕСТВА» (О возможности экзистенциальной интерпретации мистического опыта на примере произведения Н.Н. Трубникова «Зефи, Светлое мое Божество, или после заседания (из записок покойного К.)»)

Аннотация. Статья посвящена интерпретации последнего произведения советского философа Николая Трубникова, в котором он описывает свои встречи с некоей мистической сущностью, названной им Зефи. Автор стремится открыть экзистенциальные смыслы произведения, рассматривая текст как документ, отражающий путь человеческого существования к собственному самоопределению. В данной статье представлен экзистенциальный анализ произведения, рассмотренного как отражение внутреннего мира философа. Анализ начинается с нулевой точки отсчета, в которой автор сам для себя теряет всяческую значимость фактичности, социального бытия. Это точка абсурда. Она разрывает однородность действительности и вырывает из глубин субъективности пласты иной реальности. Здесь индивидуальное Я автора предстает размытым, скольльзящим по текучей поверхности социального, бесконечно меняющим свои образы. Тем не менее, эта текучесть и гибкость я находит для себя точку центрации в нефактичном событии, в событии явления божественного начала. Ретроспективно многие события из реальной жизни философа рассматриваются в соотношении с этой нефактичной точкой события. Кульминацией становится глава «Откровение на Патмосе», где от первого лица описывается опыт видения Светлого Града. Главным конфликтом оказывается конфликт между добром и злом, человеческим и животным.

Ключевые слова: филология, Трубников, философия, экзистенциальный, интерпретация, божество, мистический, Я, вина, София.

Туда, к душе душа,
Сквозь холод исчужа,
Сквозь белезну стекла,
За пелену тепла,
Туда— глаза в глаза,—
Прозрев, проникнуть за...
В подкорку бытия,
В неразность Ты и Я.
(Н.Н. Трубников)

В конце жизни советский философ Николай Трубников пишет самое загадочное и парадоксальное из своих сочинений «Зефи, Светлое мое Божество, или после заседания (из записок покойного К.)». В нем автор пытается ос-

мыслить собственную жизнь не из позиции ушедшего, прожитого времени, а изнутри События, встроившего всю его жизнь во вневременное существование.

По сути это поток сознания, дневниковая запись, раскрытая на одном событии. Это событие он назвал встречей, «благим касанием», Светлым Божеством. Он откинул литературную художественность и научный анализ, чтобы отдать место самому непосредственному, живой ткани собственной жизни. В этом тексте заключена тайна просвечивающейся сквозь линии жизни вечности, здесь автор описывает свою встречу с божественным, тайну невозможную для понимания.

Кратко сюжет этой работы таков: в психиатрической больнице умер человек (некий К.— автобиогра-

фический персонаж), он оставил после себя записи, которые решено было впоследствии издать, снабдив соответствующими комментариями (историей болезни, экспертными мнениями и т.д.). Сами записи состоят из нескольких глав, в которых К. рассказывает о своей жизни, пытаясь одновременно разобраться, что же все таки с ним произошло и почему.

К. по сюжету работал в Институте философии РАН и занимался осмыслением феномена времени. На заседании Ученого совета его рукопись не приняли к печати. Для К., видевшего в этой работе единственный достойный смысл своего существования, случившееся бросило вызов всей его устоявшейся картине мира. И тут начали происходить странные вещи. После заседания ему является «нездешний» друг (видимо ангел-хранитель) и немного ободряет его. Дома его ждет новое несчастье— умирает любимый кот, которому тоже в жизни пришлось несладко, и К. в памяти переживает страдания своего Лео при столкновении со службой по отлову бродячих животных. Через некоторое время К. встречается с Иваном Яковлевичем Корейшей¹ и гостит у него дома, где пьет чай с его женой и дочками, в его доме он находит место «где всегда хотел жить». Иван Яковлевич советует ему обратиться в психиатрическую больницу к хорошему доктору, его знакомому. Этим доктором и оказывается сам Иван Яковлевич, но только на 20 лет моложе. Такую странность К. и сам не может для себя объяснить. Доктор его лечит медицинскими препаратами, К. поправляется и выписывается из больницы, но через некоторое время умирает по неизвестной причине. Вся эта запутанная история переплетается в записях К. с воспоминаниями молодости, ушедших друзей, голодном послевоенном времени. Но самым главным оказывается не память, а встречи с Зефи, которые и определяли во многом пути его жизни. Это «Светлое Божество» первоначально открылось ему в великолепии весенней сибирской природы, потом он видел Ее в образе Богородицы и в виде маленькой девочки. В последнем видении, уже в больнице, ему открылись безграничные космические просторы, и сама Зефи прикоснулась к нему своей маленькой детской ручкой. В приложениях Трубников помещает молитвенные обращения к Зефи, стихотворение и отдельное сочинение «Откровение на Патмосе», также найденное среди записей К. Оно, по его утверждению, имеет древнее происхождение и не может быть вымышленным. В «Откровении» некий человек, отчаявшись понять причину страданий невинных, взывает к Богу. Ему является

ангел и ведет его в Светлый Град. В центре этого града стоит памятник маленькой птичке, которая победила могучего зверя и смогла напиться из источника вечной жизни и мудрости. Но человеку этот источник оказался недоступен т.к. он не стал еще в полной мере человеком и руки и ноги у него не человеческие, а звериные.

В конце автор задается вопросом: а сам ли он определил свою судьбу или судьба уготовила ему пройти этот путь?

В сложную структуру текста, с одной стороны, вплетены реальные факты биографии философа, а с другой— открываются ирреальные пространства снов, фантазий, мир героя, оторванного от своего прототипа.

Это произведение не является рефлексией относительно какого-то полученного опыта или знания. Автор не стремится к передаче идей или настроений. Сама структура работы говорит о том, что автор хотел представить на суд читателя свое сочинение как документ, как неоспоримое свидетельство и факт существования открывшейся ему тайны. Трубников включает в текст несколько линий рефлексии: рефлексии издателя записок, лечащего врача К., комментарии специалистов по религиозным верованиям. Все это он делает дабы подчеркнуть невозможность понимания методами научного анализа той тайны, которую он сам хочет понять и передать другим. Ни издатель, ни врач, ни религиовед не способны приблизиться к существу познанного автором. Поэтому интерпретация этого, пожалуй, важнейшего текста Н.Н. Трубникова, требует сложного деликатного подхода. Автор представляет нам историю, факт сознания, путь движения уникального «я» к смыслу.

Каркас интерпретации строится на анализе структурных элементов текста, их взаимосвязях и оппозициях². Исходя из несовпадения существования с самим собой, и первичности этого несовпадения по отношению к рефлексии³, интерпретация стремится открыть экзистенциальные смыслы текста, рассматривая существование («я») в качестве самоопределяющегося образа самого себя. Желание как конституирующий принцип существования («я»), как онтологическое его основание использует воображение для возвышения этого желания до уровня символа (образа)⁴. Смысл рождается из движения символа к самонаполнению, самоопределению. В нем открываются различные измерения: от физического (природного) до сакрального (духовного).

¹ Корейша Иван Яковлевич (1780-1861) — блаженный, полжизни проведенный в московской психиатрической больнице. Пользовался популярностью как прорицатель и советчик.

² Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 387-422.

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 2008. С. 312.

⁴ Там же. С. 315.

Проследивание этого самораскрытия образа и представляет собой задачу нашей интерпретации.

I. Нулевая точка отсчета

Письмо... начинающееся с прерванного голоса
и скрытого лица.
(Ж. Деррида)

Текст Трубникова рождается из интенции: «... я должен, не подразделяя себя на субъект и объект и оставаясь самим собой и по возможности цельным ... постараться увидеть все ... глазами того сверхэмпирического, что есть в этом моем конечном «я»»⁵.

Это «сверхэмпирическое» оказывается недоступным для рефлексии, ибо включено в саму сущность «я», неразделенную на субъект и объект. Для Трубникова декартовское *cogito ergo sum* не может стать основанием философского постижения, поскольку само «я» дано человеку только в своем эмпирическом измерении. Сверхэмпирическое задано в качестве смысла существования. Поэтому началом пути оказывается разрыв между сущностью и существованием «я», символом которого является смерть.

Из свершившейся смерти автор произносит свое слово. Оно оторвалось от того, кто говорил, и стало письмом, предсмертной запиской живого автора.

Точка отсчета смысла перестает быть ясностью существования собственного «я», на его место вступает зияющая дыра пустоты, смерти. Но смерть, завершив существование, сделала его доступным для рефлексии и таким образом стала началом движения к смыслу, к сущности.

Двигаться к нему невозможно из настоящего (эмпирического), ибо его уже нет, оно мертво. Оно остается в уходящей жизни больного раком Николая Трубникова, но слово не должно включать в себя умирание (бытие-к-смерти эмпирического), оно призвано уходить от себя, чтобы воскреснуть. Поэтому он удаляет себя от слова как временную реальность от вечности, чтобы дать свободу самораскрывающемуся смыслу.

II. Смысл и обыденность

Смерть становится границей и конечным пунктом всяческого движения смыслов внутри замкнутых пространств бытия: пространств каждой отдельной жизни, пространств бытия социального (обыденного,

эмпирического), внутреннего, сакрального. Но она же оказывается и границей соединения этих пространств. Она предупреждает смешение смыслов и расчерчивает хаос бытия демаркационными линиями.

Первое пространство, с которого начинает автор— это эмпирическое, социальное бытие. Н. Трубников дает слово издателю, размышляющему о покойном К. Издатель не может его понять, потому что он еще жив для обыденных смыслов, а К. уже умер. Но остались его записки, его безумие. Сам Трубников, как и его прототип «покойный К.» не был понят при жизни. Смысл существования, заключенный в служении общественному благу, для него не оправдался. Но само общественное благо от этого не стало бессмысленным, но оно необходимо должно найти для себя новое основание.

Сама по себе социальность порождает бесконечность пустых смыслов, обернутых вокруг идеи самореализации. Центром для социальности оказывается она сама, ее воспроизводство, повторение. Но рядом с ней в качестве ее границы всегда стоит отдельный человек, отказывающийся быть глашатаем обыденности, безумец. В безумие оказывается обернута тайна бытия и только с этой оболочкой она может присутствовать в мире обыденности. Но чтобы добраться до тайны, нужно отказаться от понятного и окунуться в бездну бессмысленного.

«Я» обращается к социальности чтобы узнать себя, увидеть себя объективно целостным, живым, движущимся. Мир должен отразить «я» как в зеркале, сделать «я» своим временным наполнением. Хорошие взаимоотношения с миром возможны только в ситуации зеркальности, когда сбывается ожидаемое, когда стимул и результат сходятся, когда бытие оказывается тем, к чему привык и что принял, в чем нашел смысл. Но зеркало одномерно, поверхностно, оно не может вместить расплывчатых колебаний внутреннего, феерических явлений воображаемого. Оно работает лишь при свете, а с наступлением ночи, оно теряется во мраке, как и все остальное.

«Невозможность»— так назовет эту ночь Трубников, ибо мир перестал отражать его собственные смыслы. Мир теряет свои очертания, границы расплываются, внешнее и внутреннее взаимопроникают друг в друга, «я» теряется на этой границе, цепляясь за множество мерцающих образов. Наружу выходит внутреннее трепетание смысла. Стена между субъектом и объектом рушится, и человек становится способным видеть взаимопроникновение реальностей⁶.

⁵ Трубников Н.Н. Зефи, Светлое мое Божество, или После заседания (из записок покойного К.) // О смысле жизни и смерти. М., 1996. С. 121.

⁶ «...наложение внешнего на внутреннее или внутреннего на внешнее, то есть определенного рода перекрещивание этих двух реальностей» (Там же. С. 126).

Взаимопроникновение допускает, чтобы смутные предчувствия, рожденные в глубинах сознания, вырвались на поверхность, обрели плоть в зримых образах и зажили своей собственной жизнью. Граница перехода оказывается размытой, но именно на этой границе и происходит рождение иного существования. Она порождает собой новые пространства и факты жизни. Так новое, окружая себя безумием, вклинивается в мир умирающей обыденности.

Вот перед нами образ кота Лео. Трубников отнес к этому персонажу реальность обыденного существования, потерявшего собственный смысл. Это образ одинокого, неприкаянного «я», образ самого К., к которому автор обращается извне, жалея и сострадавая, но отделяя самого себя от его бессмысленности. Кот умирает от тоски. В этой смерти «я» смещается, уходит из этой конкретной реальности, вливаясь в другую⁷.

Теперь оно находит себя в больнице, нездоровым философом, видящим странные вещи, смешивающим измерения, чужим для всех. На этой линии уже появляются ирреальные пространства и герои. Безумие дает свободу мысли и чувству, отвлекая его от сетей вечно порождающих друг друга социальных смыслов. Размыкающиеся границы действительности открывают свободу всевозможного. Но и рожденное новое также оказывается временным, стирается и исчезает. И здесь «я» умирает вновь, чтобы потом снова воскреснуть к определению в очередной серии смыслов⁸.

«я» смещено и может быть кем угодно. Оно находит себя молодым юнкером, убитым на перекрестке Тверской, мальчиком, утонувшим во время извержения вулкана на южном острове, усталым, идущим с работы молодым человеком, встретившимся по дороге со своей судьбой. «я» теперь безгранично, оно может быть всем, но по-прежнему умирает⁹. В каждой последующей серии увеличивается напряжение, захватывающее кочующее «я» в свои тиски. Смысл обретает эмоциональную плоть.

III. Внутреннее бытие. Боль и желание

Если проблему основания и движения смысла Николай Трубников пытается решить смещением «я», то внутреннее бытие остается трепещущим наложением друг на друга различных состояний. Здесь на первый план выдвигаются боль и желание. Проникая внутрь собственного сознания, «я» растекается по разломам,

⁷ Там же. С. 148-168.

⁸ Там же. С. 168-180.

⁹ Там же. С. 254-257.

по болевым точкам своего бытия, пытаюсь опознать себя и найти удовлетворение.

Прошлое приносит в настоящее свои разломы, настоящее углубляет их, ибо его движение, соединяющее прошедшее и будущее, остановлено бессмысленностью того и другого, границей невозможности. Остается углубление в бессмысленное, растекание в безумие, в безвременье смыслов, в область эмоционального напряжения.

События прошлого центрируются на точках боли и желания, боли от несправедливости жизни и желания всяческого блага. Так к будущему обращен вопрос утolenия боли и желания, вопрос смысла. Прошлое не продуцирует смысл и не внедряет его в будущее, как казалось Трубникову раньше¹⁰, оно посылает в него только вопрос. Точка встречи времен оказывается антагонистичной. Желания верят в будущее и порождены его тенью, боль рождает призраки прошлого. Когда две тени встречаются и облекаются плотью, рождается настоящее как вызов самому существу времени.

Боль и желание движутся вокруг пустоты центра, вокруг смерти, как собственного завершения. Они не могут найти удовлетворения для себя. Но, сталкиваясь, ищут вневременного основания в своей всеобщности и единстве, в силе собственной уверенности, в уходе от сомнений. Желания, наполняя внутреннее, соревнуются в первенстве и то, желание, которое способно стать всеобъемлющим, включает в себя все остальные. Постепенное обретение единства желания стягивает расплывающееся «я». На одном полюсе его существования оказывается самая острая точка боли (боль от бессмысленности страданий жизни), на другом полюсе — желание (желание жизни как блага). А в центре по-прежнему зияет дыра небытия, вопрос, обращенный в вечность.

Требуется новая точка отсчета смысла, новое «Я», вмещающее в себя всю глубину небытия и способное озарить ее своим светом, «Я» Божественное. Это «Я», к раскрытию и проникновению в которое направлено желание, уже наличествует внутри человека как потенциальность. Но открывается этот образ лишь из тайны мистического Прикосновения, встречи с Зефи. Божественность этого «Я» внедряет себя во временную действительность через Событие, Встречу, касание.

IV. Зефи

Если эмоциональное и экзистенциальное напряжение в тексте задано несовпадением сущности и существования, разрывом, в котором существование предстает перед отсутствием смысла, и невозможностью

¹⁰ В частности в работе: Трубников Н.Н. *Время человеческого бытия*. М., 1987.

самоопределения, то содержательным наполнением этого разрыва выступает противоположный полюс рефлексии, встреча с Зефи. Она оказывается точкой отсчета всяческого означивания. Зефи— символ, включивший в себя личностный аспект, символ, ставший живым образом. Из вдохновения образом-символом, порождающим внутренние переживания, начинается рождение значимого пространства текста¹¹. Именно ради неподдающихся рефлексии аспектов этого образа, его живой эмоциональной компоненте, текст становится художественным, и в этой художественности он оставляет свободу для множественных интерпретаций.

В символах субъективное переживание, сугубо индивидуальное и внутреннее, привязано к общечеловеческому опыту в виде видимого и общепонятного предмета или явления (например, символы брачного пира или хлеба насущного). Таким образом, символ концентрирует на себе единство и взаимосвязь внешнего и внутреннего, которые взаимообуславливают и обогащают друг друга.

Внешнее в образе-символе Зефи не может быть полностью соотнесено с чем-то культурно и антропологически обусловленным (как например образы конкретных божеств). В Зефи зашифрован опыт сердца настолько индивидуальный, что имя этого Божества остается понятным только автору, и в то же время всеобъемлемость этого опыта неминуемо проявляется в дроблении образа Зефи на множество составляющих, вмещающих общечеловеческие смыслы.

Так, Зефи объединяет в себе несколько аспектов:

1. *Сакральный*

Здесь Зефи означена как Светлое Божество, Жизнь, Мать, Природа. В этом аспекте она отражает представление о сакральном, которое вписано в мир и является неотъемлемой его частью. Здесь она совпадает с юнговской Анимой, душой мира, являющейся человеку из глубины коллективного бессознательного.

2. *Экзистенциальный*

Здесь Зефи оказывается внеэмпирическим аспектом личности, «Я», сущностью человека, смыслом его существования.

3. *Христианский*

Трубников отождествляет Зефи с Богородицей и Христом, в их Божественном Единстве¹².

4. *Романтический*

В Зефи Трубников видит свою возлюбленную. В этом аспекте он словно продолжает традицию мистики Прекрасной Дамы.

Но более всего, конечно, Зефи напоминает Софию Соловьева и Булгакова. Для Трубникова как и для Соловьева Зефи (София) была возлюбленной, всеединством, бытием. Как для Булгакова она была сущностью человеческой, Богородицей, Христом, Началом мира. Если русские философы большой упор делали именно на христианской и сакральной составляющей, то для Трубникова Зефи есть прежде всего образ сверэмпирического «Я»¹³. Именно с этой стороны Зефи оказывается связана со своей темной составляющей. Трубников ассоциирует ее с Астартой, жестокой богиней и с «Вавилонской блудницей», она для него включает в себя страдания и смерть. Этот темный аспект связан со становлением «Я», ведь если Зефи «пересоздает» человека, а само это становление неизбежно связано с разрывом, невозможностью, страданием и смертью, то темная сторона оказывается неотделимой от экзистенциального аспекта Божества, как «Я». Здесь точка пересечения экзистенциальной рефлексии Трубникова и его зарождающейся религиозности.

Эта точка пересечения его внутренних вопросов и нового опыта и выразилась в феномене встречи, прикосновения к Божественному. Встреча есть знак, открытый с двух сторон. Желание и боль, с одной стороны, и вечное блаженство— с другой, вопрос о смысле, с одной стороны, образ-символ с другой. Встреча и есть вечно размыкающийся смысл, раздвигающий границы «я». Он движется, не будучи ни внешним, ни внутренним, но являясь самым всем, точкой единения, прозрачностью границы, единством субъекта и объекта.

V. **Определение «я» и чувство вины**

Встреча с идеальным «Я» сразу ставит вопрос об определении «я» эмпирического. В «Откровении» сквозь чудо явления Светлого Града, «я» наконец получает самоопределение. Тут «я» видит себя в зер-

¹¹ «... можно считать, что есть авторитетные свидетельства в пользу того, что цепь, генерирующая художественный текст, не только психологически, но и логически начинается не с логически выраженной «темь», лежащей еще вне искусства, а с емкого символа, дающего простор для многообразных интерпретаций и уже имеющего художественную природу (Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2000. С. 213).

¹² Так определяет Трубников существо Зефи.

¹³ «... без тебя никогда бы не было меня того, что есть я сейчас в моем не-внешнем, то есть в самом глубоком и дорогом для меня и только мне открытом... И в этом смысле именно ты, даже не помышляя об этом, создала меня. Или, может быть, — это ведь в конечном счете одно и то же — я сам, имея твой образец, во многом создал и пересоздал себя при помощи того, чем так дорожил все эти годы, как продолжаю дорожить сейчас» (Трубников Н.Н. Зефи, Светлое мое Божество, или После заседания (из записок покойного К.) // О смысле жизни и смерти. М., 1996. С. 184).

кале истины, в чаше ее причастия. Но видит себя не человеком, но зверем. В этом видении, несмотря на поразивший автора-героя ужас, он обрел целостность, обрел себя и связь с истиной через вину: «Немного парадоксально, но это чувство вины,— Ты знаешь, о чем я,— уже не отделяет меня от Тебя, как мне казалось некоторое время назад, а, напротив, приближает, даже каким-то немного непонятным для меня образом привязывает к Тебе более прочной, чем прежде, менее призрачной связью...»¹⁴.

Вина есть выворачивающееся вовнутрь самоопределение, граница различения «я» и «Я». Разрыв скрывает Лицо, вина видит его сокрытие. Скрижали, данные Моисею, порождали вину, как единственную связь с Тем, с Кем нельзя говорить лицом к Лицу. Для виновного, стоящего у дверей разрыва, остается только ждать, и в собственном существовании, как оторванной от автора записи, видеть уведомление в реальности надежды.

Центром познания теперь оказывается новое «я», неразрывно связанное с «Я» абсолютным и Божественным. Истина открыла ему самого себя и с этой истиной можно вернуться к миру и завершить размножение смыслов.

Вина вписывает человека в мир, возвращает его назад. Из пустоты небытия, где он ждал самоопределения, из встречи как откровения, вина оказывается путем в мир, примирением с миром, записью на скрижалях заключенного с ним завета.

Список литературы:

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб, 2000.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 2008.
4. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987.
5. Трубников Н.Н. Зефи, Светлое мое Божество, или После заседания (из записок покойного К.) // О смысле жизни и смерти. М., 1996.

References (transliteration):

1. Bart R. Vvedenie v strukturnyy analiz povestvovatel'nykh tekstov // Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury KhIKh-KhKh vv.: Traktaty, stat'i, esse. M., 1987.
2. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. SPb, 2000.
3. Riker P. Konflikt interpretatsiy. M., 2008.
4. Trubnikov N.N. Vremya chelovecheskogo bytiya. M., 1987.
5. Trubnikov N.N. Zefi, Svetloe moe Bozhestvo, ili Posle zasedaniya (iz zapisok pokoynogo K.) // O smysle zhizni i smerti. M., 1996.

¹⁴ Там же. С. 114.